

DOI: 10.31857/S241377150009972-2

Эдмунд Спенсер об эльфийском этносе: ренессансные истоки современных фэнтези

© 2020 г. Е. В. Халтрин-Халтурина

Доктор филологических наук,
доктор философии в области англоязычной филологии (США),
ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
el.haltrin@imli.ru

Дата поступления материала в редакцию 10 мая 2020 г.

Дата публикации: 30 июня 2020 г.

Резюме. Поэма Спенсера “Королева фей” (1590/1596) часто упоминается среди источников современной литературы фэнтези. Однако научных работ, в том числе на русском языке, в которых разбирается эта связь, недостаточно. В статье демонстрируется, насколько тщательно Спенсер в “Королеве фей” разработал круг тем и приемов изображения “эльфийского народа”, четко вписав этот “этнос” в иерархическую модель мира. Поэт охарактеризовал разные “слои” и “культурные группы” эльфов — с их повадками, достоинствами и изъянами, привычными местами обитания, тягой к поэзии и волшебству, а также с большей (относительно людей) предрасположенностью к одним видам добродетелей и меньшей — к другим. Более того, Спенсер сконструировал летописную историю эльфийского народа и подробно описал две хроники — человеческих (точнее — британских) деяний и эльфийских, — которые резко оттеняют друг друга. Таким образом, в ренессансной аллегорической поэме разработан вариант тех самых художественных компонентов (фантазийная этнография), наличие коих сегодня считается определяющим для жанра фэнтези. В статье уделяется внимание тем видоизменениям, которые внес Дж.Р.Р. Толкин в систему литературного описания волшебных народов. Ставятся вопросы о манеристических отголосках в литературе фэнтези и о преемственности между “большой” и “массовой” литературами.

Ключевые слова: Э. Спенсер, Дж.Р.Р. Толкин, К.С. Льюис, эльфы, феи, маньеризм, высокая литература, литературный канон, массовая литература, фэнтези.

Для цитирования: Халтрин-Халтурина Е.В. Эдмунд Спенсер об эльфийском этносе: ренессансные истоки современных фэнтези // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 3. С. 87–98. DOI: 10.31857/S241377150009972-2.

Edmund Spenser on the Elfin Race: Some Renaissance Sources of Contemporary Fantasy

© 2020 Elena V. Haltrin-Khalturina

Doct. Sci. (Philol.) (Russia),
PhD in English (USA),
Leading Researcher at A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS
25a Povarskaya St., Moscow, 121069, Russia
el.haltrin@imli.ru

Received by Editor on May 10, 2020

Date of publication June 30, 2020

Abstract. Edmund Spenser's *The Faerie Queene* (1590/1596) is generally mentioned among the sources of contemporary fantasy fiction. However, scholarly publications, including works in Russian, rarely spell out the particularities of that connection. This article seeks to demonstrate the thoroughness, with which Spenser, in *The Faerie Queene*, worked out some patterns and techniques of description of the Elfin 'nation', deliberating on its particular place on the chain of being. The poet delineated various social and cultural groups of fairies by considering their habits, strengths and shortcomings, their natural localities, their love of magic and poetry, and their extreme or muted (compared to humans) susceptibility to certain moral virtues. More than that, Spenser invented a history of Elfkind and dwelled extensively on two contrasting chronicles — one featuring the great events of human (specifically British) history; the other, of the elfin history. Hence, the Renaissance allegorical poem contains a set of artistic components similar to those (other-than-human ethnography), which today are constituent for fantasy fiction. The article regards some alterations, which J.R.R. Tolkien introduced into elfin ethnography. The work also comments upon mannerist echoes in contemporary fantasy and upon mutual continuities between literary canon and popular fiction.

Key words: Edmund Spenser, J.R.R. Tolkien, C.S. Lewis, elves, fairies, mannerism, high literature, literary canon, popular fiction, fantasy fiction.

For citation: Haltrin-Khalturina, E.V. *Edmund Spenser ob elfijskom etnose: renessansnye istoki sovremennykh fentezi* [Edmund Spenser on the Elfin Race: Some Renaissance Sources of Contemporary Fantasy]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2020, Vol. 79, No. 3, pp. 87–98 (In Russ.). DOI: 10.31857/S241377150009972-2.

Указания на переклички между литературой “фэнтези” XX–XXI вв. и произведениями позднего английского Ренессанса звучат нередко, однако конкретные примеры в пользу этих утверждений приводятся крайне скупо, особенно в научно-справочной литературе. Мало кто будет спорить с постулатом о том, что «истoki фэнтези обнаруживаются в поэме Э. Спенсера “Королева фей” (1590), где за внешним планом (рассказ о фантастических событиях по мотивам средневекового цикла романов о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола) скрывается аллегорический подтекст (религиозно-мистические рассуждения)» [1, с. 464].

Вместе с тем, сущность многих явлений проявляется именно в деталях.

В частности, к ренессансной поэме Спенсера восходят литературные приемы создания легендарной истории эльфийского народа и попытки “воссоздать” эльфийские летописные анналы. То есть в ренессансной поэме обнаруживаются те самые художественные компоненты, наличие коих сегодня считается определяющим для жанра фэнтези. Мы имеем дело с фактом, который прекрасно известен спенсероведом (см., например: [2]), но редко — в его художественной конкретике — обсуждается знатоками современной литературы; последние чаще всего ограничиваются беглым упоминанием Спенсера (ср. [3]; [4]). Приведем

пример из статьи о лингвистических особенностях стиля Толкина, где детально разбирается семантика слов “феи” и “эльфы” и коротко отмечен след, оставленный в английской словесности “Королевой фей”.

Первый “золотой век” английской литературы о феях — это елизаветинская эпоха. В середине XVI века феи вышли в литературе на первый план в качестве аналогов латинских *nymphs* и *hamadryades* (sic!) в английских переводах из Овидия и Вергилия, хотя переводы со словом *elfen* встречались и прежде. Однако именно после “Королевы фей” Спенсера и “Сна в летнюю ночь” Шекспира в английской литературе появилось множество поэтических и драматических произведений, где фигурируют феи; среди самых известных примеров — “Нимфида” Майкла Дрейтона и “Пасторали Британии” Уильяма Брауна [5, р. 70].

“Королева фей” Спенсера появилась почти на 5 лет раньше шекспировского “Сна в летнюю ночь”, и поэтому в приведенной цитате с нее начинается перечень соответствующих произведений елизаветинского времени.

Заметим: на эльфийских образных рядах и на приемах их подачи лингвисты, в отличие от литературоведов, не останавливаются. Анализируя терминологию Толкина (“темные эльфы”, “светлые эльфы” и т.д.), исследователи приходят к выводу, что Толкин был первым, кто внес четкий порядок и в классификацию эльфов, и в детальное описание их “языков, социального статуса, менталитета” и пр.

[5, p. 71]. Насколько безоговорочно подтверждаются эти выводы, если их проверить литературоведческим материалом, и в чем именно Толкин был первопроходцем, а в чем — хранителем очень старых литературных традиций, мы обнаружим ниже.

Сегодня принято считать, что особый тип героя — принадлежащий к “этносу” эльфов и непременно встречающийся в литературе “фэнтези” XX–XXI вв., — был “узаконен” Дж.Р.Р. Толкиным в его авторских сказаниях, среди которых особенно знамениты повесть о хоббитах и трилогия “Властелин колец”. Как справедливо пишут исследователи, Толкину «принадлежат кодифицированные и ставшие каноническими образы эльфов и орков, типичный образ волшебника и “главного злодея”, целый круг тем и сюжетных ходов, ставших со временем формульными» [6, с. 311].

Наряду с “расой” людей, Толкин подробно описывал другие “народы” (*races, peoples*) с их характерными физическими данными, культурно-этническими особенностями, местом обитания, историей, фольклором, традиционными ремеслами и пр. Придуманная им чудесная цивилизация зиждется на социальном взаимодействии и “тайном знании” разнородных культур. “Участниками” толкиновского фантастического симбиоза являются “древние этносы” (к ним писатель относил эльфов, гномов, а также “энтов”, т.е. “пастухов деревьев”) и народы “более молодые” (люди и хоббиты).

Идея о внешнем сходстве эльфов и людей как представителей двух “этносов” была уже известна английской литературе эпохи Ренессанса, и подпитывалась она богатым кельтским и скандинавским фольклором: сказками и легендами об обычаях чудесного народа (в англ. традиции: “wee folk”, “trooping fairies”, etc.), умеющим “морочить” людей (“to cast their glamour”) [7].

Не случайно и не на пустом месте в аллегорической рыцарской поэме “Королева фей” (1590/1596) Эдмунд Спенсер — много раньше, чем Дж.Р.Р. Толкин, и много раньше, чем известные провозвестники фэнтези Дж. Макдоналд и У. Моррис, творившие в XIX в., — создал продуманное описание волшебных народов, населяющих вымышленную вселенную, где мифические и аллегорические миры соседствуют с реальными географическими областями. В первых книгах поэмы отличить спенсеровских эльфов от людей читателям удастся с трудом [8, с. 225–226]. Действительно,

вплоть до 9-й песни 2-й книги поэмы “Королева фей”, т.е. на протяжении примерно тысячи стихотворных строк, Спенсер последовательно прибегал к приему “маскировки” — эльфов-рыцарей под людей и людей под эльфов. Однако далее Спенсер достаточно четко описал эльфов и людей как разные “народы” с различной историей происхождения и летописания.

Мотивы у него были иные, чем в современных “фэнтези”, временами маскирующих эльфов под другие народы. Но какие? Современное спенсероведение предлагает достаточно убедительное объяснение данной загадки. Для того чтобы его лучше понять, скажем несколько слов о некоторых художественных особенностях поэмы “Королева фей”.

* * *

Поэма “Королева фей” Спенсера построена вокруг путешествий рыцарей — эльфов и людей, — которые, по заданию Глорианы, царицы “фейного” государства, должны постигнуть 12 добродетелей. Соответственно Спенсер задумывал создание 12 книг, каждая из которых являет ряд наглядных, зачастую аллегорических иллюстраций к соответствующим 12 добродетелям. Какие пороки встречаются на пути постижения той или иной добродетели, какие искушения могут увести в сторону от заданного пути, какие нравственные и духовные усилия укрепляют рыцарей-искателей — всё это поэтично описано Спенсером в духе протестантских трактатов о воспитании молодежи из благородных сословий — трактатов, содержащих отсылки не только к “Никомаховой этике” Аристотеля, но и “к другим авторам”, как говорил автор поэмы [9]. К важным источникам Спенсера более поздние исследователи относят “Сумму теологии” Фомы Аквинского, комментарий Макробия ко “Сну Сципиона” Цицерона, а также “Правила святой жизни” Мартина Брагского [10]; [11, p. 25]. Полный список избранных моральных качеств, воспеваемых в “Королеве фей”, Спенсер не оставил, успев завершить лишь половину поэмы и описав, таким образом, возможные пути постижения следующих 6 добродетелей: Святость, Умеренность, Целомудрие, Дружелюбие, Правосудность, Учтивость.

Создав свой вариант волшебной Страны фей и вписав его в общую схему мироздания, населив мир существами низкими и высокими, порочными и добродетельными, обычными и

волшебными, Спенсер установил между ними строгую иерархию, по-своему выстроив “лестницу бытия”, на вершине которой находится Творец, а на нижней ступени — Супостат в облике змея. Между небесной вершиной и адской низиной, на многочисленных стратах мироздания, располагаются разнообразные существа, классификации которых в кругу Спенсера изучали по трудам Ранульфа Хигдена и Раймунда де Сабунде (имеются в виду труды: “Polychronicon, etc.” — 7-книжный труд по “Универсальной хронологии и теологии”, ок. 1342–1344 гг., и “Liber naturae sive creaturarum, etc.” — “Натуральная теология”, ок. 1434–1436 гг.). Таким образом, как и многие тюдоровские модели мироздания, спенсеровская модель — синкретичная; в ней узнаются античные, средневековые и ренессансные черты [12]; [13].

Согласно представлениям спенсеровского времени, по “лестнице бытия” все тварные существа могли перемещаться только в определенных ограниченных пределах. Спуститься или “скатиться” вниз они могли на много ступеней. А вот подняться, особенно если речь идет о перемещении с одного уровня организации жизни на следующий, — было делом трудным, практически невозможным. Сказанное следует иметь в виду, ибо все существа, упоминаемые в “Королеве фей”, распределяются по ступеням мироздания, расположенным на разных уровнях значимости.

На низших ступенях находятся носители так называемой *вегетативной* души, смыслом существования которых являются питание и репродукция. Выше размещаются носители *чувственной* души, живущие эмоциями и сенсорными ощущениями. Венчают лестницу носители души *рациональной*, стремящиеся понять сотворенный Богом мир. В спенсеровской схеме отразилось учение о трех видах души, распространенное в Великобритании эпохи Ренессанса и восходящее к трудам Аристотеля об анатомии души. Хотя, разумеется, и здесь имеются свои отклонения¹.

Итак, спенсеровская иерархия существ, включающая народ эльфов и народ людей, соотносит все существа с разными уровнями пространства геоцентрической модели мира [15]; [16]; [17], в центре которой находится

Страна фей. Как и в традиционной геоцентрической модели мира, вселенная Спенсера предполагает существование 7 концентрических сфер, движущих планеты благодаря *primum mobile*. За пределами “двигателя” — бесконечность Эмпирея, где находятся высшие существа, ангелы, Бог.

Где же в этой системе располагаются эльфы? Сошлемся на исследователей, досконально изучивших особенности спенсеровской художественной иерархии существ. В частности, Д.Дж. Симс [15] подытожил свои наблюдения следующим образом: в мире “Королевы фей” на вершине лестницы бытия находится Бог-творец, ниже располагаются ангельские чины, еще ниже — божества египетской и древнегреческой традиции, затем благородные феи и эльфы средневекового фольклора, приравненные к нимфам классической традиции. Затем герои и человеческое общество. Ниже людей располагаются сатиры, благородные животные, уроды-великаны, затем совсем нечистые звери и ниже всех — змеи-драконы.

Этот перечень дает обобщенное представление о существах, населяющих Страну фей. На деле у Спенсера куда больше мелких градаций и пересечений (на уровне благородных рыцарей эльфы и люди нередко оказываются на одной ступени иерархической значимости).

Итак, среди спенсеровских эльфов (как и у Шекспира в комедии “Сон в летнюю ночь”, ок. 1594 г.) — своя система рангов [15, р. 106]: от лукавых озорников и трикстеров наподобие проказника Пака до благородных рыцарей, поборников христианских добродетелей и хранителей эльфийского государства наподобие Титании и Оберона (последний, как принято считать, проник в английскую словесность из французского цикла о Гуоне Бордосском). Помимо слов “эльф”, “эльфийский” (elf, elfin), по отношению к этим чудесным существам в ренессансной Великобритании применяли также слова “фея” и “фейный” (fay, fairy), а иногда и слово “нимфа” (nymph)².

Приглядимся внимательнее к эльфийскому “этносу”³. Среди фей низшего сословия

¹ Пространство у Спенсера тоже организовано с учетом теории о трех видах души, что особенно наглядно демонстрирует трехуровневое устройство так называемого замка Умеренности. Подробнее см.: [14].

² См. словари английского языка: многотомный “словарь Мюррея” — The Oxford English Dictionary (the OED), содержащий этимологию и историю употребления слов английского языка, а также словарь елизаветинской эпохи (словарь Томаса Элиота 1538 г.).

³ Особенности “этноса” эльфов, выведенного Спенсером в “Королеве фей”, подробно описаны в следующих трудах: [18]; [19]; [20].

у Спенсера встречаются весьма пакостные особи. Например, те феи, которые похищают человеческих детей, оставляя вместо них так называемых подменышей (changelings). По отношению к ним поэт использует выражение “низменное фейное отродье” (“base Elfin brood”, bk. 1, c. 10, st. 65). Более благородные феи — например, водяные нимфы — обыкновенно находятся в обществе сатиров и морских божков. Они не прочь порезвиться, предаваясь праздным утехам, хотя имеют доступ и в общество богов-Олимпийцев. Так, морская нимфа Кимодокея (кн. 3 и 4 “Королевы фей”), обычно резвящаяся в кругу сестер-нереид, в час нужды обращается с плачами-ходатайствами к трем богам: к Трифону, Аполлону и Нептуну, пытаясь спасти жизнь своего сына. Среди “привилегированных” эльфов назовем лесных нимф. Они служат фрейлинами богине Диане, и их репутация почти безупречна.

На самой вершине эльфийской системы рангов располагается Королева фей по имени Глориана, являющаяся воплощением добродетелей и благородства. С одной стороны, она является идеализированным “отражением” — земной правительницы (спенсеровский комплимент королеве Англии Елизавете Тюдор в ее сакральной ипостаси). С другой стороны, Глориана — прямая последовательница Девы Озера из многочисленных артуровских легенд и их переработок: волшебная покровительница славных рыцарей [21]. Приближенное к Глориане рыцарское сословие — это собрание избранных, знатных, добродетельных эльфов и людей. Рыцарем можно было сделаться, родившись в благородной эльфийской семье либо пройдя обряд посвящения в рыцари. Среди урожденных эльфов-рыцарей — поборник Учтивости Калидор; среди принявших обет посвящения из рук Глорианы — Красный рыцарь (или Сент-Георг), поборник Святости.

Здесь, говоря о рыцарском сословии в “Королеве фей”, мы подошли к той самой загадке сходства спенсеровских людей и эльфов, которая до сих пор тревожит умы читателей. Дело в том, что именно в среде рыцарей представители этих двух “народов” внешне неразличимы. Они примерно одного роста и телосложения. Они отстаивают общие интересы: сражаются за торжество добродетелей. В битвах и поединках они конкурируют на равных. Встречающиеся добрым рыцарям враги-сарацины не могут отличить эльфа от человека, как, впрочем, и от других антропоморфных

обитателей волшебного государства. Так, сарацин Санс-Лой, вступая в поединок с Сатироном (потомок людей и сатиров), хулительно называет его “эльф-недоносок” (“misborne Elfe”, bk. 1, c. 6, st. 42) и “дурень фейный сын” (“foolish faeries sonne”, bk. 1, c. 6, st. 47), не пытаясь разобраться в “этнических” тонкостях.

Примечательно, что сами герои нередко обманываются, не зная точно, какого они рода: человеческого или эльфийского. Так происходит до поры до времени с Красным рыцарем и с Артегалом: они оба были перенесены в Страну фей из людских земель вместо оставленных там “подменышей” (changelings) — и оба верили, что происходят из неаристократических эльфийских родов.

Теперь коснемся различий между спенсеровскими эльфами и людьми.

Что касается проказливых фей и высокопоставленных эльфийских особ, все они обнаруживают способности к волшебству. Если “паранормальные” возможности людей исчерпываются владением волшебных предметов (например, заколдованным оружием), то эльфы сами сродни волшебникам: они умеют приготовить чудодейственный напиток (как жены Кэмбела и Триамонда) или долгое время обходиться без еды, питья и крова. Властительные феи более могущественны, чем их подчиненные. Венценосная Королева фей способна воздействовать на мысли и чаяния людей, находящихся в далекой Британии VI в. По ее мысленному внушению, дева Бритомарт отыскала вещего Мерлина, заглянула в его волшебный хрустальный шар, переделалась рыцарем и двинулась в Страну фей на поиски своего суженого Артегала.

В физическом отношении “тела” спенсеровских людей более плотные и “неподатливые”, чем у эльфов. Кажется, что эльфы сотканы из более тонкой и пластичной материи. Люди не способны видоизменять форму своего тела так, как это сделали, к примеру, эльфы Скудамор и Аморетта в заключительной песне кн. 3 “Королевы фей” (изд. 1590 г.): на глазах изумленной девы-воительницы Бритомарт они образовали андрогинную фигуру Гермафродита, напоминающую эмблему “Matrimonii typus” Бартельми Ано. Кроме того, если наблюдать истории жизней эльфов и людей на протяжении десятилетий (примеры тому имеются в тексте поэмы), то эльфы обнаруживают способность веками сохранять молодость, переживая не одно поколение людей. Так,

известно, что рыцари Гийон, Кэмбел, Триамонд и Калидор столетиями служат при дворе Глорианы, в то время как Красный рыцарь, дева Бритомарт и Артегал — юные “новички” среди рыцарей.

Характерным признаком принадлежности рыцарей к эльфийскому “народу” является также “прикрепленность” героя к территории Страны фей. Эльфы — постоянные вассалы Глорианы, это их единственное подданство. Эльфийские рыцари (Гийон, Кэмбел, Триамонд, Калидор), выполняя поручения Королевы фей, никогда не покидают территорию своей эльфийской страны: они не посещают близлежащие государства. Иначе дело обстоит с рыцарями человеческой “расы”: помимо службы, которую они выполняют для Глорианы во славу добродетелей, у каждого рыцаря из рода людей есть свое личное задание и судьба, которая в итоге их уводит за пределы Страны фей. В процессе путешествия они делаются более зрелыми, набирают опыт, двигаясь навстречу своему историческому предназначению. Они неоднократно переплывают границы между Страной фей и близлежащими странами. Так, выполняя задание эльфийской царицы, Артегал вынужден, покинув Страну фей, добраться до Земель Айрины (аллегорический аналог Ирландии), а Красный рыцарь должен добраться до Эдема. Артуру же приходится побывать в стране Бельг. Уроженцы Британии Бритомарт и Артегал, совершив подвиги в Стране фей, должны вернуться в родные края, к людям, и положить начало новой династии правителей (bk. 3, c. 3, st. 27; bk. 5, c. 7, st. 23). Принцу Артуру предстоит когда-то добраться до эльфийской столицы Клеополиса, обвенчаться с Глорианой и основать династию Тюдоров, постоянно курсируя между Британией VI в. и Страной фей. Красный рыцарь, как предсказано, после долгих приключений тоже вернется к своей невесте Уне в Эдем, где они станут прародителями неизвестного доселе безгрешного человечества (bk. 1, c. 11, st. 18–19).

Примечательно и распределение ролей среди рыцарей, отстаивающих ту или иную добродетель, давно подмеченное спенсероведом [22]; [23]. Рыцари человеческого рода являются заглавными героями нечетных книг поэмы: Красный рыцарь — защитник Святости (кн. 1); дева-воительница Бритомарт — поборница Целомудрия (кн. 3); Артегал — рыцарь Правосудности (кн. 5). Эльфийские рыцари

являются заглавными героями четных книг поэмы: сэр Гийон — сторонник Умеренности (кн. 2); Кэмбел с Триамондом — рыцари Дружелюбия (кн. 4); Калидор — поборник Учтивости (кн. 6). Как уточняют комментаторы, у Спенсера люди стараются отстаивать добродетели, понимание которых нисходит на человека свыше (intuitive, “интуитивные” добродетели), а эльфы поставлены на службу добродетелям “приобретаемым” (aquired)⁴. Казалось бы, налицо противоречие: люди обычно совершенствуются путем обучения. Стало быть, им легче постигать добродетели, требующие упражнений (aquired). Благородные эльфы, напротив: рождаются с предрасположенностью к определенным добродетелям, т.е. познают их как дар, интуитивно (intuitive). Сложность подвигов в Стране фей, вероятно, состоит в постижении того, что не свойственно изначальной природе каждого “этноса”: люди должны приблизиться к благородным эльфам и ангелам, а эльфы должны немного “очеловечиться”.

Кроме перечисленных несходств между рыцарями, принадлежащими к “народу эльфов” и к “народу людей”, — несходств, проясняемых по ходу чтения поэмы “Королева фей” (физические данные, прикрепленность к конкретной территории, предрасположенность к определенному виду добродетелей), имеется еще и, так сказать, “стилистическое” различие. Рыцари-эльфы, как подметили исследователи [25], отличаются особым благородством, или “поэтичностью”, в то время как человеческий род, представленный рыцарями из Британии, тяготеет к исторической прозе.

Это легко увидеть на примере двух хроник: эльфийской и человеческой, хранящихся в замке Умеренности. Как отмечает Спенсер в поэтическом абреже к 9-й песне 2-й книги поэмы, в библиотеке замка можно познакомиться с историями “эльфийского народа” и “народа людей” (конкретнее — британцев), так как там имеются богатые архивы: Хроника Британских королей от правления Брута до Утера Пендрагона и Летописи эльфийских императоров вплоть до царствования эльфийской царицы Глорианы. Этим летописям Спенсер

⁴ Рассуждения о природной склонности к одним добродетелям (ср. “intuitive” или “infused”) и об обучении другим добродетелям (ср. “aquired”) восходят к английскому восприятию учения Фомы Аквинского, а конкретнее к его “Трактату о священном учении” из первого тома “Суммы теологии”. Мы опираемся на терминологию из русского перевода “Суммы теологии”: [24].

отводит много места: 10-я песнь 2-й книги (77 спенсеровых строф) целиком посвящена двум “старинным документам”, созданным в подражание нескольким знаменитым произведениям: “Хроникам” Холиншеда, “Истории королей Британии” Гальфрида Монмутского, “Хроникам” Джона Хардинга, “Анналам Англии” Джона Стоу и др.

У Спенсера в “Королеве фей” две хроники — человеческой истории (стф. 5–68) и эльфийской (стф. 69–76) — резко оттеняют друг друга. Первая насыщена битвами, заговорами, трудной борьбой за справедливость в подлунном мире. Здесь же содержится много сюжетов, которые могут быть развернуты в трагедийные произведения. Именно в Летописи человеческой истории, прочитанной принцем Артуром, происходящим “из рода людей”, встречается упоминание короля Лира, которое шекспироведы причисляют к многочисленным источникам шекспировской драмы.

Вторая, эльфийская, хроника выдержана в более мажорном ключе. В частности, здесь изложена история появления эльфов (созданных Прометеем), заселения ими садов Адониса, основания эльфийской столицы Клеополиса и т.д. И несмотря на то что эльфийская хроника очень объемна — это увесистый фолиант (“an ample volume”), — создается впечатление, что эльфийский рыцарь Гийон прочитывает ее легко и быстро. Спенсер отвел эльфийской хронике всего 7 строф: перед читателем, утомленным историей человеческого рода (64 строфы), прекрасные эльфийские строки пролетают мгновенно.

Для наглядности приведем небольшой отрывок из Спенсера о происхождении эльфийского народа (строфы 70–72 цит. по научному изданию Лонгмановской серии [26] с нашим подстрочником):

But *Guyon* all this while his booke did read,
Ne yet has ended: for it was a great
And ample volume, that doth far exceed
My leasure, so long leaues here to repeat:
It told, how first *Prometheus* did create
A man, of many partes from beasts deriued,
And then stole fire from heauen, to animate
His worke, for which he was by *Ioue* depriued
Of life him selfe, and hart-strings of an *Ægle* riued.

(Тем временем Гийон читал другую книгу, свою историю, и не успел дочесть, поскольку был тот фолиант объемён и велик, и

не по силам мне здесь воспроизвести анналы полностью. Там было сказано, как Прометей создал мужчину из многочисленных частей животных тел, а затем огонь с небес похитил, чтобы жизнь вдохнуть в свое творение — за что Юпитер и лишил его житья, принудив за жилы собственного сердца с Орлом тягаться.)

That man so made, he called *Elfe*, to weet
Quick, the first authour of all Elfin kind:
Who wandring through the world with wearie feet,
Did in the gardins of *Adonis* find
A goodly creature, whom he deemd in mind
To be no earthly wight, but either Spright,
Or Angell, th'authour of all woman kind;
Therefore a *Fay* he her according hight,
Of whom all *Faeryes* spring, and fetch their lignage right.

(Мужчину сотворив, ему нарек он имя Элф, что значит “жизни полн”. То был прародитель всех эльфов. Обойдя весь мир, сей Элф усталые стопы направил в сады Адониса и там нашел создание премилое, которое, как видно, было не земным твореньем, а то ли духом, то ли ангелом — источник женской сути. Он имя дал ей: Фэй. И от нее все феи происходят, она их прародительницей стала.)

Of these a mightie people shortly grew,
And puissaunt kings, which all the world warrayd,
And to them selues all Nations did subdew:
The first and eldest, which that scepter swayd,
Was *Elfin*; him all *India* obayd,
And all that now *America* men call:
Next him was noble *Elfinan*, who layd
Cleopolis foundation first of all:
But *Elfiline* enclosed it with a golden wall.

(От этой пары великий род пошел: могущественные короли, весь мир завоевавшие и над всеми народами возвысившиеся. Первый из владык, державший скипетр, звался Элфин. Он был царем всей Индии и тех земель, которые теперь Америкой зовутся. Его наследник благородный Элфинан столицу Клеополис основал и заложил фундамент. А Элфилин обнес сей град золотой стеной.)

Анналы эльфийской истории, придуманные Эдмундом Спенсером, охватывают и легендарное прошлое, и близкое для героев поэмы настоящее.

Однако вернемся к вопросам, зачем Спенсеру понадобилось разделять этносы людей и

эльфов и создавать две альтернативные истории человеческого и эльфийского народов, запечатлев их в документальных хрониках. Почему Спенсер не удовольствовался изображением причудливых эльфийских шествий и обычаев, эльфийского колдовского “марева”, известного по легендам о рыцарях Круглого стола и по сказочному фольклору британских островов? Почему его рыцари-эльфы похожи на рыцарей-людей?

Среди предложенных ответов на эти вопросы в современном спенсероведении наиболее основательными считаются рассуждения, опубликованные в кембриджской монографии 1984 г. о протестантских особенностях поэзии Спенсера (переиздано в электронном виде без исправлений в 2008 г.) [19]. Автор монографии Антея Хьюм рассматривает текст Спенсера на фоне ученых дебатов об исторической достоверности существования короля Артура⁵ и на фоне текстов более “пропагандистских”, протестантских, возводивших (без какой-либо тени сомнения) династию Тюдоров к линии короля Артура, а через него — к Бруту Троянскому⁶.

Посвящая поэму “Королева фей” царствующей Елизавете I Тюдор, Спенсер не пожелал отказаться от яркого и “идеологически корректного” комплимента в ее адрес: подобно убежденным сторонникам Тюдоров, он возвел ее родословную к легендарному королю Артуру. Однако в отличие от придворных льстецов, Спенсер избежал неловкого расхождения своих заявлений с такими трактатами, как “*Britannia*” Уильяма Кемдена (1586). И достиг он этого, если следовать логике А. Хьюм, именно благодаря приему точного совмещения “волшебного эльфийского” и “человеческого исторического” пространств — в частности, создав фигуры рыцарей, которые свободно перемещаются в обоих мирах,

являясь участниками как эльфийской, так и человеческой истории (которые Спенсер четко разграничил). Установив свои правила толкования жизнеописания короля Артура, поэт мог поместить фигуру принца Артура в исторический контекст — и вместе с тем, добавить в его историю немало вымышленных аллегорических эпизодов, которые якобы имели место в “альтернативном” эльфийском пространстве (и до Спенсера никем не описывались): любовь принца Артура к царственной фее Глориане, его чудодейственная помощь рыцарям в отстаивании добродетелей, обучение юного Артура у эльфа Тимона и пр.

Таким образом, периодически совмещая два контрастных “пласта” — “волшебное эльфийское” и “историческое человеческое”, — Спенсер создал некое маньеристическое пространство, где топографические реалии причудливым образом оказались вписаны в аксиологическую модель мира, где слегка вытянутые фигуры рыцарей-людей и рыцарей-эльфов внешне абсолютно неразличимы, где наряду с барочным искажением пространства и резким столкновением разностилевых элементов, сохраняется вера в незыблемость “лестницы бытия” и в гармонию иерархического миропорядка. В конечном итоге, у Спенсера прием маскировки эльфов под людей служит утверждению христианских (порой чисто англиканских) иерархических ценностей. А учительное значение поэмы состоит в том, чтобы красочно продемонстрировать разные способы отстаивания добродетелей в нетривиальных, фантастических ситуациях.

* * *

Из сказанного видно, что английская литература позднего Ренессанса явила в “Королеве фей” яркий пример органичного совмещения волшебного и реального пространств. У Спенсера волшебство сочетается с законами природы, и неслучайно длину драконьего хвоста он измеряет в обычных ярдах, а великаны у него побиваются рыцарями за кошунство и преступную неотесанность. Мы удостоверились, что Спенсер тщательно разработал круг тем и приемов изображения “эльфийского народа”, четко вписав этот “народ” в иерархическую модель мира и создав ему летописную историю. Поэт охарактеризовал разные “слои” и “этнические группы” эльфийского народа — с их повадками, достоинствами и изъянами, привычными местами обитания, тягой к поэзии и

⁵ См., например, хроники XIV–XVI вв. Ральфа Хигдена, Роберта Фабиана, Полидора Вергилия (Ralph Higden, Robert Fabian, Polydore Virgil), расходившиеся с “Историей королей Британии” Гальфрида Монмутского (у Гальфрида Монмутского королю Артуру отведено виднейшее место). Рафаэль Холиншед и Ричард Графтон в своих хрониках заняли компромиссную позицию по артурианскому вопросу: утверждая существование британского монарха по имени Артур, они обошли молчанием многие фантастические легенды, связанные с его именем.

⁶ См., например, трактаты середины и второй половины XVI в. таких авторов, как Артур Келтон, Джон Лиланд, Ричард Робинсон (Arthur Kelton, John Leland, Richard Robinson).

волшебству, а также с бóльшей (относительно людей) предрасположенностью к одним видам добродетелей и меньшей — к другим.

Однако поэтический текст Спенсера, в отличие от прозы Толкина, сложен для восприятия широкого читателя XX–XXI вв. И дело не только в том, что поэт XVI в. опирался на лексику, которая казалась архаичной даже его современникам. Использованные им приемы и “коды” систематизации разных “волшебных этносов”, близкие елизаветинцам, сегодня “считываются” с трудом в силу иного историко-культурного менталитета. Само понимание реального и фантастического в спенсеровскую эпоху было иным. В научных трактатах по естественной истории, популярных в елизаветинскую эпоху, схемы скелетов реальных животных сосуществовали с описаниями морских сатиров, гарпий и фениксов. Общее понимание миропорядка того времени трудно соотносится с сегодняшним.

Расшифровывать спенсеровский ход мысли и старинные смысловые коды для широкого круга любителей литературы фэнтези могли бы специалисты по той эпохе. Но и здесь имеются некоторые препоны: долгое время крупные литературоведы и знатоки словесности Ренессанса отказывались серьезно комментировать Толкина, воспринимая его романы-фэнтези всего лишь как профессорское хобби. Показательны следующие факты. В статье 1969 г., озаглавленной “Толкин и Спенсер”, Нэн Брауде, в ту бытность аспирантка крупного специалиста по Ренессансу Пола Алперса [27], признавалась, что ее статья выросла из споров и дискуссий о “Королеве фей” с научным руководителем: “Я пыталась убедить Алперса прочесть Толкина, но в конце концов оставила все попытки, удостоверившись, что любовь к Спенсеру совсем не предполагает обязательной симпатии к Толкину”, хотя “и при поверхностном взгляде, и более глубоком осмыслении, труды обоих авторов обнаруживают сходство” [2, р. 8]. Среди перечисленных в статье сходств — особое сплетение чудесного и обыкновенного, хотя спенсеровское “обыкновенное”, за давностью лет, уже не кажется заурядным. В России переводы Толкина принимались сходным образом. В протоколах редколлегии серии “Литературные памятники” АН СССР, которые на протяжении нескольких десятилетий вела ученый секретарь редколлегии И.Г. Птушкина, отмечена позиция Д.С. Лихачева, полагавшего, что при всем

интересе молодых читателей к трилогии “Властелин колец” классифицировать это произведение как “литературный памятник” еще рано: надо посмотреть, как книга будет восприниматься примерно через столетие.

Зачем нужна эта временная дистанция примерно в столетие? Как отмечал А.Д. Михайлов в труде о французской прозе “второго ряда” 1830–1840-х годов, “следует тем не менее различать памятники так называемой массовой литературы и книги, адресованные избранному читателю. Их судьба, естественно, была различной: одни, отшумев, отходили в литературное небытие, другие занимали прочное место в литературном процессе, третьи, на поверку, оказывались литературными шедеврами и в том качестве остались в мировой литературе навечно” [28, с. 3].

Какое же место займут романы-фэнтези Дж.Р.Р. Толкина в истории мировой литературы, когда время “расставит все по своим местам”? Сегодня, на заре 3-го десятилетия XXI века, очевидно, что Толкин сыграл определяющую роль в эволюции жанра фэнтези, который пока еще относится к “массовой литературе” (popular fiction, fan fiction, см., например: [29, р. 1016]; [30]) и отвечает широко распространенным (особенно в среде молодых людей) читательским предпочтениям. Сложный онтологический смысл волшебных персонажей древнегерманской, средневековой и ренессансной литературы был отброшен Толкиным, сохранены лишь внешние формы и некоторые приемы описания волшебных народов. Однако — перелицованные таким образом на иной лад — эти персонажи обрели парадигматическую завершенность в рамках нового популярного жанра. Вопрос о принадлежности Толкина к авторам “первого ряда”, по видимому, сопряжен с вопросом о повышении значимости жанра фэнтези в литературной иерархии.

Отметим, что литературоведы, серьезно изучающие взаимодействие между “элитарной” и “массовой” словесностью, склонны подчеркивать динамичность границ между ними, ибо, являясь отсветом “большой литературы”, массовая литература придает своему источнику «масштаб и реальность, порой оборачиваясь “почвой” и необходимым условием, даже предвосхищением художественных открытий “первого ряда”» [31, с. 400]. Вместе с тем, тяготение к массовости или, напротив, к высокой литературности определяется следующим:

массовость, или «паралитературность второй прозы» проявляется более всего тогда, когда референтом становится обыденный опыт, обывательское мнение о “жизни”, а ее литературность — тогда, когда художественный вымысел несет более сложную и глубокую идею реальности, важное обобщение ее проблем и конфликтов» [31, с. 402].

Серьезный вклад Дж.Р.Р. Толкина в литературный процесс состоит в том, что он приближал массовую литературу XX в. к лучшим образцам мировой литературы, популяризируя последние. Кроме того, Толкин преуспел в создании так называемых художественных языков — феномен исключительно примечательный для лингвистических исследований [32].

Приведем, наконец, последнее уточнение к вопросу о преемственности описаний эльфийского народа: от Спенсера — к Толкину и дальше. Уточнение необходимо в связи с тем, что отдельные исследователи ставят под сомнение интерес Толкина к ренессансной литературе. Однако не приходится сомневаться в том, что Толкин знал “Королеву фей” Спенсера в тонкостях, включая детальные классификации эльфов и их “хронику”. Подробных научных работ о Спенсере Дж.Р.Р. Толкин не оставил, в то время как перу его собрата по оксфордскому клубу Инклингов К.С. Льюису принадлежит несколько серьезных статей и монографий о “Королеве фей”, которые начали издаваться в годы оживленных литературных дискуссий членов клуба (см., например: [33]; [34]; [35]; [36]). Подчеркнем: Джон Рональд Руэл Толкин с тонким знанием дела опирался на богатые традиции английской “фейной”, или “эльфийской”, литературы, развивая и видоизменяя их. Возможно, благодаря профессору Толкину, через его “посредство”, читатели XXI в. наконец обратятся не только к кельтской традиции, к древнеанглийской и средневековой литературе, но и к памятникам литературы XVI в., увидев на конкретных примерах, чем именно литература фэнтези обязана позднему Ренессансу и маньеризму.

В современной культуре “фэнтези” систематическая классификация фантастических “рас”, или “народов” (с описанием их мировоззрения, “религий”, языков, отношения к магии, особенностей внешнего вида и т.п.), равно как и “камуфляжная” маскировка эльфов под людей [37]; [38] преследуют скорее эстетические (ср. Толкин) нежели этико-дидактические (ср. Спенсер) цели. А между тем,

своими корнями приемы описания эльфийского “этноса” связаны с теми толкованиями деятельной добродетели, национальной идентичности и исторической достоверности, дебаты о которых постоянно велись в тюдоровской Англии и отразились в образных рядах аллегорической рыцарской поэмы Эдмунда Спенсера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Маркова О. Фэнтези // Энциклопедический словарь английской литературы XX века / отв. ред. А.П. Саруханян; ИМЛИ РАН. М.: Наука, 2005. С. 464–468. [Markova, O. *Fentæzi* [Fantasy]. *Entseklodichesky slovar angliiskoi literatury 20 veka*. *Otv. red. A.P. Sarukhanyan* [An Encyclopedic Dictionary of English Literature of the 20th Century. Ed. A.P. Sarukhanyan]. Moscow, Nauka, A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, 2005, pp. 464–468]. (In Russ.)
2. Braude, N. “Tolkien and Spenser.” *Mythlore*, Vol. 1, No. 3, 1969. Pp. 8–11, 13.
3. Fimi, D. “‘Mad’ Elves and ‘Elusive Beauty’: Some Celtic Strands of Tolkien’s Mythology.” *Folklore*, Vol. 117, No. 2, 2006. Pp. 156–170.
4. Simpson, J. “On the Ambiguity of Elves.” *Folklore*, Vol. 122, No. 1, 2011. Pp. 76–83.
5. De Rosario Martínez, H. “Fairy and Elves in Tolkien and traditional literature.” *Mythlore*, Vol. 28, No. 3–4, 2010. Pp. 65–84.
6. Можяева А. Фантастические формы в английской литературе XIX–XX веков // Английская литература от XIX века к XX, от XX к XIX: Проблема взаимодействия литературных эпох / Отв. ред. Саруханян А.П., Свердлов М.И. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 279–318. [Mozhaeva, A. *Fantasticheskiye formy v angliiskoi literature XIX–XX vekov* [Fantastic Forms in English Literature of the 19th–20th Centuries]. *Angliiskaya literatura ot XIX veka k XX, ot XX k XIX: Problema vzaimodeistviya literaturnykh aepek* [English Literature from the 19th Century to the 20th and Back Again: On the Issue of Continuity]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, 2009, pp. 279–318]. (In Russ.)
7. Briggs, K. “The Faerie Queene”. *An Encyclopedia of Fairies: Hobgoblins, Brownies, Bogies, and Other Supernatural Creatures*. N.Y., 1976. Pp. 130–131. (The Pantheon Fairy Tale and Folklore Library).
8. Андреев М.Л. <“Королева фей” Эдмунда Спенсера> // Рыцарский роман в эпоху Возрождения. М.: “Наследие”; “Наука”, 1993. С. 224–234. [Andreyev, M.L. <“Koroleva fei” *Edmunda Spensera*> [<“The Faerie Queen” of Edmund Spenser>]. *Rytsarsky roman v aepekhu*

- Vozrozhdeniya* [The Genre of Chivalric Romance in the Age of the Renaissance]. Moscow, Nasledie, Nauka, 1993, pp. 224–234]. (In Russ.)
9. Spenser E. "A Letter of the Authors to Sir Walter Raleigh" (1590). *Spenser. The Faerie Queene*. Ed. by A.C. Hamilton. L.: Longman, 1977. P. 737.
 10. Horton, R.A. "Virtues." *The Spenser Encyclopedia*. Gen. ed. A.C. Hamilton. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1990. Pp. 719–721.
 11. DeMoss, W.F. "Spenser's Twelve Moral Virtues 'According to Aristotle' ." *Modern Philology*, Vol. 16, No. 1, 1918. P. 23–38.
 12. Tillyard, T.M.W. *The Elizabethan World Picture: A Study of the Idea of Order in the age of Shakespeare, Donne & Milton*. Kindle Edition. London: Pimlico edition, 1998. (First published by London: Chatto & Windus, 1943). IX+116 pp.
 13. Lovejoy, A.O. *The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea*. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1936. IX+382 p.
 14. Халтрин-Халтурина Е.В. Аллегорический замок умеренности: о семантике пространства в "Королеве фей" Спенсера // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4, № 1. С. 86–117. [Haltrin-Khalturina, E.V. *Allegoricheskyyi zamok umerennosti: o semantike prostranstva v "Koroleve fei" Spensera* [The Allegorical House of Temperance: on the Semantics of Space in Spenser's *Faerie Queene*]. *Studia Litterarum* [Studia Litterarum], Vol. 4, No. 1, 2019, pp. 86–117]. (In Russ.)
 15. Sims, D.J. "Cosmological Structure in *The Faerie Queene*, Book III." *Huntington Library Quarterly*, Vol. 40, No. 2, 1977. Pp. 99–116.
 16. Bean, John C. "Cosmic Order in *The Faerie Queene*: From Temperance to Chastity." *Studies in English Literature, 1500–1900*, Vol. 17, No. 1, 1977. Pp. 67–79.
 17. Henninger, S.K., Jr. "Cosmogony, cosmology." *The Spenser Encyclopedia*. Gen. Ed. A.C. Hamilton. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1990. Pp. 192–193.
 18. Rathborne, I.E. *The Meaning of Spenser's Fairyland*. N.Y.: Russell & Russell, 1965. 275 pp.
 19. Hume, A. "Britons and Elves." *Edmund Spenser: Protestant Poet*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984. Pp. 145–161.
 20. Briggs, K. *The Anatomy of Puck*. London: Routledge & Paul, 1959. 284 pp.
 21. Baskervill, C.R. "The Genesis of Spenser's Queen of Faerie." *Modern Philology*, No. 18, 1920–1921. Pp. 49–54.
 22. Horton, Ronald A. *The Unity of "The Faerie Queene"*. Athens (USA), 1978. Pp. 124–137.
 23. Erickson, W. *Mapping the Faerie Queene. Quest Structures and the World of the Poem*. N.Y.; L.: Garland Publishing, Inc., 1996. IX+150 pp.
 24. Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть I. Вопросы 1–43. Раздел 6. Суть ли это учение то же, что и мудрость? / Пер. С.И. Еремеева, А.А. Юдина. Киев, 2002. 560 с. [Foma Akvinsky. *Summa Theologiae. Ch. I, Voprosy 1–43... Perevod na russ. S.I. Yeremyeeva, A.A. Iudina* [Thomas Aquinas. *Summa Theologiae. Treatise on the cardinal virtues*. Transl. into Russian by S.I. Yeremyeev, A.A. Iudin]. Kiev, 2002. 560 p.]. (In Russ.)
 25. Heale, E. *The Faerie Queene: A Reader's Guide*. 2nd edition. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999. P. 65.
 26. Spenser, E. *The Faerie Queene*. Ed. A.C. Hamilton. L. & N.Y.: Longman, 1977. XIII+753 pp. ("Longman Annotated English Poets" Ser.).
 27. Alpers P. *The Poetry of the Faerie Queene*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1967. IX+415 pp.
 28. Михайлов А.Д. Предисловие // Французская литература 30–40-х годов XIX века: "Вторая проза" / Отв. ред. А.Д. Михайлов, К.А. Чекалов; ИМЛИ РАН. М.: Наука, 2006. С. 3–5. [Mikhailov, A.D. *Predisloviye* [Preface]. *Frantsuzskaya literatura 30–40-kh godov 19 veka: "Vtoraya proza"*. Red. A.D. Mikhailov, K.A. Tchekalov [French Literature of the 30–40s of the 19th Century: "the Second Prose". Ed. A.D. Mikhailov, K.A. Tchekalov]. Moscow, Nauka; A.M. Gorky Institute of World Literature, 2006, pp. 3–5]. (In Russ.)
 29. West, R.C. "A Tolkien Checklist: Selected Criticism 1981–2004." *Modern Fiction Studies*. J.R.R. Tolkien Special Issue. Vol. 50, No. 4, 2004. Pp. 1015–1028.
 30. Reid, R.A. "On the Shoulders of Gi(E)nts: The Joys of Bibliographic Scholarship and Fanzines in Tolkien Studies." *Mythlore*. 50th Anniversary Issue, Vol. 37, No. 2, 2019. Pp. 23–38.
 31. Пахсарьян Н.Т., Чекалов К.А. Послесловие // Французская литература 30–40-х годов XIX века: "Вторая проза" / Отв. ред. А.Д. Михайлов, К.А. Чекалов; ИМЛИ РАН. М.: Наука, 2006. С. 397–405. [Pakhsarian, N.T., Tchekalov, K.A. *Posleslovie* [Afterword]. *Frantsuzskaya literatura 30–40-kh godov 19 veka: "Vtoraya proza"*. Red. A.D. Mikhailov, K.A. Tchekalov [French Literature of the 30–40s of the 19th Century: "the Second Prose". Ed. A.D. Mikhailov, K.A. Tchekalov]. Moscow, Nauka, A.M. Gorky Institute of World Literature, 2006, pp. 397–405]. (In Russ.)
 32. Пиперски А. Языки Толкина // Конструирование языков: от эсперанто до дотракийского. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. С. 157–161. [Piperski, A. *Yazyki Tolkiena* [Tolkien's languages]. *Konstruirovaniye yazykov: ot esperanto do*

- dotrakiiskogo* [Constructing Languages: From Esperanto to the Dothraki Language]. Moscow, Alpina Non-fiction, 2017, pp. 157–161]. (In Russ.)
33. Lewis, C.S. "<Ch.> VII. *The Faerie Queene*." *The Allegory of Love: A Study in Medieval Tradition*. London: Oxford Univ. Press, 1938. P. 297–360.
 34. Lewis, C.S. <Intro. essay on Spenser>. *Major British Writers: in 2 vols*. Gen. ed. G.B. Harrison. N.Y.: Harcourt, Brace, 1954. Vol. I. Pp. 91–104.
 35. Lewis, C.S. "Neoplatonism in the Poetry of Spenser." *Études Anglaises*, No. 14, 1961. Pp. 107–116.
 36. Lewis, C.S. *Spenser's Images of Life*. Ed. by A. Fowler. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1967. IX+144 pp.
 37. Bulmahn, J., et. al. "Elves. Alternate Racial Rules." *Pathfinder (Roleplaying game): Advanced Race Guide*. Redmond (WA, the USA): Piazco Inc., 2012. Pp. 22–23.
 38. Ellefson, R. *Creating Life (The Art of World Building Book 1)*. Gaithersburg (MD, the USA): Evermore Press, 2017. P. 67.